

УДК 165.0

DOI 10.25688/2078-9238.2021.38.2.07

Д. К. Стожко,
К. П. Стожко

Теоретико-методологические аспекты мифологизации науки в современных условиях

В статье раскрываются теоретико-методологические подходы к объяснению мифологизации современной науки, которые представлены как процесс ее фальсификации и разрушения различными ненаучными практиками. Среди причин современной мифологизации науки авторами анализируются растущая макроэкономическая и политическая нестабильность, кризис современного глобализма и мультикультурализма. Аргументируется идея о необходимости критического, междисциплинарного и проблемного подхода к практике передаче знаний.

Ключевые слова: кризис; культура; мифология; мифологизация; наука; педагогика.

Введение

В современных условиях формируется новая реальность, кардинально меняется само общество. Рост макроэкономической и политической нестабильности и неопределенности, распространение практики разного рода санкций, которые одни страны применяют против других, кризис политики мультикультурализма, пандемия COVID-19 и ряд других обстоятельств формируют новую социальную реальность, в том числе и новое общество, его хозяйственную, культурную и социальную основу. Если говорить об образовании, то здесь все чаще начинают осознавать необходимость оценивать его содержание и качество с аксиологических, нравственных позиций [30]. При этом о кризисе образования написано достаточно много работ [1; 8; 10], его причины и характер вроде бы давно уже научно осмыслены. Но ситуация остается по-прежнему кризисной.

Это можно объяснить лишь одним: перекося внимания исследователей в область педагогических технологий мало что изменяет в содержании самого образования. Ни современная эвтагогика, ни компетентностный подход, ни синектика, ни бриколаж сами по себе не дают возможности улучшить качество образования. Эту задачу можно решить только с помощью науки и насыщения содержания образования действительно научным знанием, в первую очередь на основе междисциплинарного и проблемного подхода

к образованию. Именно в сфере образования формируется научное мышление и научное сознание человека. Именно здесь мы встречаемся с разного рода мифами и мифологемами.

Например, в последнее время появились утверждения о том, что подлинными авторами Великой Победы во Второй мировой войне были Великобритания и США, а вовсе не Советский Союз, что виновником начала Второй мировой войны был будто бы сталинский режим [17]. Все чаще на одну доску ставятся фашистская Германия и СССР [7]. Да что там — новейшая история! Мифологизация затронула и ее более ранние пласты. Например, академик А. Т. Фоменко считает, что даже Ивана Грозного в истории не было, что это — мифическая фигура [6: с. 175].

Естественно, что такие вопиющие иллюстрации мифотворчества требуют не только общественного осуждения, но и серьезного анализа, оценки и выводов.

Обсуждения и дискуссии

Когда-то В. И. Вернадский выступил с идеей ноосферы, под которой он понимал сферу науки, интеллекта, знаний. Отталкиваясь от марксистской идеи о постепенном и неуклонном превращении науки в непосредственную производительную силу, В. И. Вернадский даже предположил, что со временем человек добьется автотрофного, т. е. независимого от случайностей и стихийной игры природных сил, существования и станет подлинно независимым. При этом ученый делал ставку на эмпирическое научное знание, которое он призывал развивать, «не считаясь с гипотезами» [5: с. 49].

С точки зрения чистого эмпиризма, однако, оказалось крайне сложно развивать целостное, комплексное представление о новой реальности. Обнаружилась ее многомерность, которую разные исследователи пытались и пытаются обозначить и описать в ненаучных (порой просто фантастических) терминах и в поле мифологии. Здесь-то и становится необходимой мифологизация науки. Иначе говоря, когда не хватает логики или аргументов, их пытаются заменить воображением и фантазией. Меняется и вся терминология.

Так, если говорить об экономике, то ее все чаще стали называть экономикой знаний (Ф. Махлуп), инновационной экономикой (Й. Шумпетер), креативной экономикой (J. Howkin, R. Caves), ноономикой (С. Д. Бодрунов), фрикономикой (С. Дабнер, С. Левитт) и т. д. Разнообразие научных представлений о ее характере и специфике все более возрастает.

Соответственно, и современную культуру исследователи обозначают разными терминами: «символическая» (С. Лангер), «нуминозная» (К. Хьюбнер), «конвенционистская» (И. Лакатос), «элитарная» (Х. Ортега-и-Гассет), «массовая» (М. Хоркхаймер), «срединная» (Н. Бердяев, С. Булгаков, Б. Вышеславцев и др.).

В принципе в такой вариативности терминологии нет ничего нового. Ведь и раньше объекты и предметы научных исследований обозначали разными терминами. Например, в древности экономику называли то хрематистикой, то каталактикой. Философия отождествлялась то с натурфилософией, то с алхимией, то со схоластикой.

Это многообразие в представлениях о предмете и объекте научного исследования и терминологическая вариативность является отражением процесса накопления и конкретизации научных знаний, попыткой системно подходить к его типологии и морфологии.

Но такие фундаментальные изменения в реальной жизни людей, которые мы наблюдаем сейчас, не могут не служить причиной перемены отношения людей к прежним научным достижениям, оценкам и выводам. Тем более что в новых условиях некоторые из прежних достижений науки все-таки устаревают. Тем самым возникают дополнительные условия для фальсификации науки, замещения в общественном и личном сознании научных представлений спекулятивными идеями, для аберрации сознания как такового. Это и является следствием фальсификации науки.

Поэтому нет ничего странного в том, что данная проблема все чаще привлекает внимание исследователей. Для понимания истории вопроса о соотношении мифа и науки представляют серьезный интерес работы В. Ф. Гегеля, В. Гумбольдта, С. Кьеркегора, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, М. Мюллера, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра. Среди более поздних зарубежных авторов, исследовавших данную проблему, можно назвать Р. Барта, Э. Кассирера, Дж. Кэмпбелла, С. Московичи, Х. Ортега-и-Гассета и др.

Среди российских авторов — работы Е. А. Аглей, К. С. Быкова, И. И. Кравченко, А. И. Куляпина, А. Ф. Лосева, А. А. Лымаря, В. М. Ностридиновой, П. К. Огурчикова, А. А. Потební, О. А. Скубач, К. В. Тимошевой, М. В. Хубутя и др.

Особенностью исследования проблематики мифологизации науки указанными авторами является рассмотрение самого процесса в контексте развития мышления и сознания (в рамках теории познания) и современной культуры (в рамках философии и истории культуры).

Результаты исследования

Рассматривая вопрос о мифологизации науки в современных условиях, нельзя делать это изолированно от процесса мифологизации всей культуры, поскольку наука представляет собой особый уровень и вид культуры — сферу духовного производства, интеллектуальной креативной деятельности. Она выступает связующим звеном между теорией и практикой. Внутри самой культуры, «где-то в пространстве между “высшими духовными ценностями” и “переоценкой ценностей”» и рождается некий мировоззренческий компромисс [26: с. 297].

Можно назвать несколько конкретных причин современной мифологизации науки. Первая причина связана с тем, что кардинально изменяются характер и содержание самой реальности: экономики, культуры, политики, образования и т. д. Растет политическая, макроэкономическая, экологическая и социально-культурная нестабильность и неопределенность. Современное общество превратилось в «общество риска» (У. Бек). При таких изменениях не могут не меняться психология и сознание людей, оказавшихся в принципиально новых условиях. И эти изменения непосредственным образом затрагивают науку, ее выводы, оценки и суждения.

Вторая причина связана с заполнением возникшего в современных условиях современного идеологического плюрализма и мировоззренческого вакуума разного рода религиозными идеями, вытесняющими светское мышление и исторически связанными с мифологией. Религия намного старше науки и имеет достаточно широкий арсенал способов и методов для мифологизации мышления и сознания человека. Представления о том, что религия может успешно замещать научное знание, необходимо признать ошибочными.

Прежде всего, религия упрощает наше сознание, способствует замещению логического мышления простым мифотворчеством, когда «примитивным сознанием миф воспринимается как реальность, лишенная символических абстракций, но, в отличие от современного сознания, в закодированной форме, содержащей в себе веру» [18]. В самом деле, миф выполняет очень важную роль по укреплению веры, превращению ее даже в фанатическую веру как крайне радикальную форму противостояния науке.

Следствием этого становится ультрарадикализм во всех его проявлениях, в том числе и в самой науке. Ученые начинают мыслить по схеме «либо – либо», «черное – белое», «одно исключает другое». Вместо объемного латерального и диалектического сознания формируется упрощенное одностороннее и примитивное сознание, основанное на вере.

Сколько бы ни защищали такое сознание идеями Божественного Откровения или Прозрения, эти доводы вряд ли могут сравниться с научным инсайтом, озарением, основанным на логическом мышлении и накопленном объеме конкретной информации.

В связи с этим можно выделить еще одну причину растущей мифологизации науки. Она связана с плюрализмом подходов к ней. Если в религии такой плюрализм всегда отождествлялся с сектантством и церковь строго следила за чистотой ортодоксии, то в науке, наоборот, всегда приветствовался именно плюрализм. В результате на сегодняшний день сложились разные подходы к научному знанию (агностицизм, позитивизм, экзистенциализм, институционализм, бихевиоризм и т. д.).

Имеются различные научные подходы и к изучению мифологии: аллегорический, филологический, ритуально-социологический, психологический, трансцендентный, структуралистский, романтический, символический [25: с. 40–67].

Третья причина мифологизации науки связана с ее социальным характером. Многие идеи, прежде всего гуманитарной науки, носят именно социальный характер. Да и в естествознании достаточно много вопросов, имеющих гуманитарное измерение. Изменение соотношения социальных сил в обществе вызывает и тенденцию к пересмотру прежних выводов науки, в том числе и тенденцию к мифологизации многих из них. Заказчиком здесь может выступать как политический бомонд, так и неформальные силы.

Причем это касается в полной мере и естественных наук. Свидетельством мифологизации науки здесь может служить появление так называемой протеомики, новой биологической науки, которая обещает людям вечную жизнь, эликсир бессмертия — своеобразное средство Макропулоса (как в известном рассказе К. Чапека). Чем-то все это напоминает средневековую алхимию, тщетно искавшую на протяжении столетий философский камень [28: с. 159].

Еще одной причиной мифологизации науки может служить ограниченность собственно научных знаний, вследствие чего возникает соблазн отказаться от тех или иных научных выводов и идей. В истории философии хорошо известен вечный спор между атеистами и верующими. Первые утверждают, что Бога нет, поскольку никто и никогда его не видел и потому доказать его существование нельзя. Вторые, наоборот, утверждают, что Бог есть, он является людям через Откровение, а органы чувств могут и обманывать человека. Мы, например, не видим вакуум или обычный воздух, но они существуют. Поэтому логически и эмпирически доказать отсутствие Бога нельзя. Если говорить о химии, то здесь в последнее время формируются тенденции перехода от исследований в обычных условиях и к исследованиям в экстремальных, особых условиях, что способствует развитию нанохимии — новой отрасли химической науки [21: с. 9].

Интересно, что недостаточность научных знаний порой выступает причиной сомнения в их правомерности, что характерно и для отдельных ученых-физиков, химиков или математиков. Известный спор между академиком Федором Дроновым и священником отцом Серафимом в популярном советском кинофильме «Все остается людям» может служить яркой иллюстрацией по этому вопросу.

Можно также выделить в качестве одной из причин мифологизации науки несоответствие динамики ее развития и динамики развития культуры и производства. Известно, что многие достижения науки далеко не сразу принимаются и осваиваются культурой. О производстве и говорить нечего: там достижения НТР часто осваиваются с еще большим запозданием. В связи с этим и с точки зрения культуры и отдельные достижения науки, культуры или производства в разное время считались ересью или проявлением бескультурья. Из традиционных примеров — гелиоцентрическая система Н. Коперника, которая была объявлена католической церковью лженаучной. Из современных — граффити на стенах городских домов, которые долгое время рассматривались как проявление варварства, а сегодня официально признаны особым видом искусства.

С другой стороны, подмена научного знания ненаучными знаниями также вещь обычная в истории науки. Достаточно вспомнить о яфетической теории единого, универсального языка академика Н. Я. Марра (1924) или об идее тотальной яровизации и культивирования ветвистой пшеницы академика Т. Д. Лысенко (1928) и т. д. А уж имена Григория Гробового или Виктора Петрика вообще стали нарицательными в конце прошлого века.

Таким образом, несоответствия в динамике развития науки и производства, науки и культуры были, есть и, вероятно, еще долго будут. Это обстоятельство вполне объяснимо. Еще П. А. Сорокин, рассматривая вопросы социокультурной динамики, отмечал, что взаимодействие между разными сферами общественной деятельности может быть различным: солидарным, антагонистическим или смешанным [22: с. 555–556].

Если мы обратимся к вопросам взаимодействия науки и других сфер общественной жизни людей, то обнаружим то же самое обострение ситуации и недобросовестную конкуренцию, что и в других областях.

Существуют различные теоретико-методологические подходы к анализу и оценке процесса мифологизации науки. Одним из таких подходов является аксиологический подход, в рамках которого в качестве исходного основания мифологизации рассматривается аберрация ценностей в сознании людей. Иначе говоря, когда обнаруживается, что значение, которое объективно имеют те или иные ценности, противоречит тому значению, которыми их наделяют разные люди.

Второй теоретико-методологический подход можно назвать *символическим*. Его представители — Э. Кассирер, Э. Каунт, С. Лангер, У. Урбан и другие — рассматривают сам миф как некий символ, под которым они понимают некий универсум (ноумен), противостоящий чувственным образам (феноменам) и потому имеющий по отношению к последним первичное значение. Так, С. Лангер характеризует символы жизни как корни мифа. Определяя миф как «постижение естественных конфликтов, человеческого желания», она тут же пишет: «Хотя мы связываем миф с религией, в действительности его невозможно отследить» [11: с. 158, 159]. Тем не менее, несмотря на утверждение С. Лангер, религиозное происхождение мифа вполне обстоятельно отслежено и доказано в науке [12; 23; 24; 25].

Очень интересным является *коммуникационный* подход к изучению мифов и мифологизации, предложенный канадским исследователем М. Маклюэном. Он, в частности, отталкиваясь от известных теорий волнового характера развития (С. Китчин, С. Кузнец, У. Митчелл, Н. Д. Кондратьев, М. Туган-Барановский и др.), пришел к выводу о том, что на пиках исторических циклов (депрессии, кризисы, стагнация и пр.) чаще всего активизируется мифотворчество. Это обстоятельство рассматривается как некая форма коммуникации между прежними и новыми условиями существования человека, между прошлым и будущим, как средство адаптации.

На таких переломных, или, пользуясь выражением К. Ясперса, осевых этапах исторического времени начинается более активная мифологизация науки,

а также и других сфер человеческой жизни (образования, культуры, политики и т. д.). По мнению М. Маклюэна, миф и мифологизация становятся «ложными мобилизующими системами», которыми человек пытается описать новую социальную реальность.

Как считают отдельные авторы, М. Маклюэн, понимал под мифологизацией не просто распространение старых и создание новых мифов, а «заведомое искажение реальности» [18]. Это уточнение крайне важно для понимания того, что собой представляет процесс мифологизации науки по существу.

Очень популярным в современных условиях является также *социологический* подход к исследованию мифов и мифологизации науки (А. Бадур, У. Мишелен и др.). Отталкиваясь от известной идеи Э. Дюркгейма о том, что человек несет в себе коллективные и индивидуальные представления, сторонники социологического подхода полагают, что характер и динамика формирования мифов и мифологизации обусловлены соотношением этих двух начал в структуре личности и в конечном счете ее социальным положением. Например, принадлежностью к той или иной социальной группе, к тому или иному архетипу личности или культуры. Так, оптимист будет считать, что стакан с водой наполовину полон, а пессимист — что он наполовину пуст. Пролетариат будет полагать свои интересы объективно более значимыми, а буржуазия в качестве таковых будет считать свои интересы. Наш человек — разведчик, чужой — шпион. Наш человек — патриот, чужой — националист. Эта многослойная дихотомия и является хорошей почвой для мифологизации науки, когда не удается найти золотую середину, золотое сечение, когда люди впадают в крайности и радикализм.

Можно также выделить антропологический подход к проблематике мифологизма, суть которой сводится к тому, что человек склонен к фантазии, к домысливанию, к припоминанию и т. д. Еще со времен Платона само познание понималось отдельными философами как припоминание того, что душа созерцала в мире идей до того, как она спустилась на землю и вошла в человека. Рассматривая мифологемы как одну из форм такого «припоминающего» сознания, а мифологию как самостоятельную форму общественного сознания, К. С. Романова отмечает интересное свойство человека как творца мифа «его способность одновременно чувствовать одно, говорить другое, а делать — третье» [20: с. 57]. Тем самым мы можем обнаружить различия в онтологии человека как субъекта мифотворчества и человека как обычного биологического и социального существа.

Очевидно, что живой человек как биологическое существо живет в реальном текущем времени (синхронии). Но как существо духовное, мыслящее он живет и в диахронии (историческое время), живет прошлым и будущим. Для мифологизации крайне существенно, когда историческое время оказывается доминантой, замещает реальное текущее время. Уход от реальности текущего времени в диахронию как раз и становится одним из условий мифологизации как таковой. Идеализируя или, наоборот, демонизируя события,

предков или героев прошлого, либо делает это по отношению к будущему, человек сам становится одновременно субъектом и объектом мифотворчества. Известно, что идеи со временем становятся непреодолимой силой и овладевают человеком настолько, что превращают его в фанатика.

Этот крайний экзистенциализм, когда прошлое или будущее оказывают решающее влияние на настоящее, крайне опасно в целом и для науки в частности. Происходит фундаментальное искажение науки, получают распространение разные техники исследования: спиритуализм, оккультизм и иные ненаучные подходы. Недооценивать значение таких псевдонаучных подходов не стоит. В разное время этими «грехами» страдали многие даже выдающиеся ученые. Например, Д. И. Менделеев [15] или К. Э. Циолковский [14].

Заключение

Для того чтобы избежать негативных последствий для себя, субъект мифологизации прячется за разными ролевыми масками. Замещая научные знания спекулятивными знаниями, он может надевать на себя маску правдолюбца или патриота, либерала или свободного человека, но при этом не афишировать своего стремления пересмотреть опыт прошлого, достижения науки, культуры, хозяйства и т. д. [27]. Следует заметить, что эта «технология масок» берет свое начало в глубокой древности [13].

Но если отвлечься от чисто конъюнктурной стороны вопроса и задаться более серьезным вопросом о критериях обновления научных методов познания, то следует признать, что дискуссия между противниками мифов и их сторонниками далеко не завершена [19]. Тем не менее идея о соединении мифа и науки, высказанная еще Э. Кассирером, а также представление о том, что мифология и мифологизация будто бы питают научное познание [29: с. 128], переживают очевидный кризис. Это обстоятельство вполне ясно отражено и в современных диссертационных исследованиях [3; 16]. Тем не менее вопрос остается все еще открытым. Суть дискуссии «сводится к одному, более общему вопросу — об отношении философского мышления к дофилософскому, к мифологическому и религиозному сознанию» [9: с. 7].

До сих пор отдельными авторами предпринимаются попытки обосновать правомерность мифологизации науки путем онтологических и гносеологических репликаций. Например, различиями в понимании пространства разными исследователями (Лейбницем, Ньютоном и др.) или утверждениями о том, что мифологическое мышление часто предвещало многие научные открытия [4], что будто бы «миф вводит человека в ситуацию Священного времени Начал и Истоков» [2: с. 29]. Но такие попытки мало что дают для понимания соотношения мифа и науки.

Поэтому главный вывод состоит в необходимости разоблачения таких мифологизаторов, а это предполагает формирование у подрастающего поколения способности к самостоятельному научному мышлению.

В современной литературе исследователи выделяют разные типы мышления: утопическое, религиозное, светское, диалектическое, сценарное, эволюционное, деспотическое, метафизическое, системное, творческое, космическое и интуитивное. Различают также мышление по сферам человеческой деятельности: научное, политическое, экономическое и т. д.

Научное мышление — это особый, принципиально отличный от мифологического тип мышления, который строится на доказательствах, логике и практике, который при этом должен не передаваться от человека к человеку в неизменном и непререкаемом виде, а вырабатываться самим человеком.

Прежнее представление о том, что такое мышление может быть сформировано путем простой *трансляции* научного понимания мира, что достаточно дать человеку минимальный уровень осведомленности, определенное клише, начальный образ, модель какого-либо объекта или предмета для дальнейшего его адекватного и объективного восприятия и осмысления, уже не работает. Необходимо сформировать у человека способность к научному мышлению, способность абсорбировать получаемую информацию и обрабатывать ее, и прежде всего способность к эффективному сопротивлению экспансии ненаучных подходов. Месседж современного ученого, находящегося под колоссальным прессингом мифологизации науки и даже самой тривиальной дезинформации, чем-то сродни известному тезису К. С. Станиславского «Не верю!» или биологическому явлению полиферкации — прорастанию нового организма из другого. Собственно, это иллюстрирует известную триаду «тезис – антитезис – синтез», отражающий суть диалектического подхода к познанию, на котором основана сама наука. И разрушение этой основы — путь в обратном направлении, к деградации и суеверию.

Литература

1. Аникина Е. А., Иванкина Л. И., Сорокина Ю. С. Кризис высшего образования в России: проявления, причины и последствия // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. С. 31–40.
2. Батулин В. К. Миф как пространство и время только что родившегося Человека // Пространство и время. 2010. № 1 (1). С. 27–36.
3. Борко Т. И. Эволюция мифа: на пути становления религиозного мировоззрения: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тюмень: Тюменский ГУ, 2006. 35 с.
4. Давыдова В. Ю. Мифологическое пространство и время. URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74334/31-Davydova.pdf?sequence=1> (дата обращения: 01.03.2021).
5. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2003. 576 с.
6. Золотов Ю. А. До, после и вместо науки. М.: Process-book, 2018. 235 с.
7. Исторический опыт Великой Победы. К 75-летию Победы советского народа над немецким фашизмом / под ред. О. Г. Лоретц, М. Ю. Карпухина, К. П. Стожко. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГАУ, 2020. 284 с.
8. Карманова Д. А. Кризис российского высшего образования: к проблеме аспектизации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных наук. 2012. № 1. С. 3–9.
9. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. СПб.: Алетейя, 1972. 360 с.

10. Кумбс Ф. Кризис образования в современном мире. Системный анализ. М.: Прогресс, 1970. 264 с.
11. Лангер С. Философия в новом ключе. М.: Республика, 2000. 287 с.
12. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1999. 392 с.
13. Леви-Строс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. 399 с.
14. Маркина Е. П. Рассуждения о Вселенной в философском наследии К.Э. Циолковского // Вестник Калужского государственного ун-та. 2017. № 3. С. 46–49.
15. Менделеев Д. И. Два публичных чтения о спиритизме // К познанию России. М.: Айрис-Пресс, 2002. С. 498–555.
16. Михалевская А. С. Миф и наука: проблемы взаимодействия в современном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново: Ивановский гос. хим.-технол. ун-т, 2015. 26 с.
17. Морозов Ю. В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25 (310). С. 50–63.
18. Огурчиков П. К. Мифологизация культуры: стратегии и тактики пространственных решений // Аналитика культурологи. 2013. № 25. С. 2–6.
19. Резвых П. В. Дискуссии о мифологии в романтической *Altertumswissenschaft*. М.: Высшая школа экономики, 2012. 44 с.
20. Романова К. С. Антропология мифа // Дискурс Пи. 2006. № 1. С. 56–62.
21. Сергеев Г. Б. Нанохимия. М.: Изд-во МГУ, 2003. 288 с.
22. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
23. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: Мысль, 1980. 831 с.
24. Фрэзер Дж. Фольклор в Новом Завете. М.: Академический проект, 2018. 453 с.
25. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
26. Червонная Л. Г. Метаморфозы социальных идей. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 448 с.
27. Чеснов Я. В. Философская антропология народной культуры. М.: Канон, 2014. 496 с.
28. Чирков Ю. Г. Время химер. Большие генные игры. М.: Академкнига, 2002. 397 с.
29. Шкурова М. В. Проблема мифа в «Философии символических форм» Э. Кассирера // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 1 (35). С. 124–128.
30. Яковлева И. В. Аксиология образования как формирующаяся система: социально-философская рефлексия // Философия образования. 2020. № 2. С. 31–47.

Literatura

1. Anikina E. A., Ivankina L. I., Sorokina Yu. S. Krizis vy`sshego obrazovaniya v Rossii: proyavleniya, prichiny` i posledstviya // *Sovremennyy`e problemy` nauki i obrazovaniya*. 2016. № 3. S. 31–40.
2. Baturin V. K. Mif kak prostranstvo i vremya tol`ko chto rodivshegosya Cheloveka // *Prostranstvo i vremya*. 2010. № 1 (1). S. 27–36.
3. Borko T. I. E`volyuciya mifa: na puti stanovleniya religioznogo mirovozzreniya: avtoref. dis. ... d-ra filoz. nauk. Tyumen`: Tyumenskij GU, 2006. 35 s.

4. Davy`dova V. Yu. Mifologicheskoe prostranstvo i vremya. URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74334/31-Davydova.pdf?sequence=1> (data obrashheniya: 01.03.2021).
5. Vernadskij V. I. Biosfera i noosfera. M.: Ajris-press, 2003. 576 s.
6. Zolotov Yu. A. Do, posle i vmesto nauki. M.: Process-book, 2018. 235 s.
7. Istoricheskij opy`t Velikoj Pobedy`. K 75-letiyu Pobedy` sovetskogo naroda nad nemeckim fashizmom / pod red. O. G. Loretcz, M. Yu. Karpuxina, K. P. Stozhko. Ekaterinburg: Izd-vo Ural`skogo GAU, 2020. 284 s.
8. Karmanova D. A. Krizis rossijskogo vy`sshego obrazovaniya: k probleme aspektizacii // Labirint. Zhurnal social`no-gumanitarny`x nauk. 2012. № 1. S. 3–9.
9. Kessidi F. X. Ot mifa k logosu. SPb.: Aletejya, 1972. 360 s.
10. Kumbs F. Krizis obrazovaniya v sovremennom mire. Sistemny`j analiz. M.: Progress, 1970. 264 s.
11. Langer S. Filosofiya v novom klyuche. M.: Respublika, 2000. 287 s.
12. Levi-Stros K. Pervoby`tnoe my`shlenie. M.: Respublika, 1999. 392 s.
13. Levi-Stros K. Put` masok. M.: Respublika, 2000. 399 s.
14. Markina E. P. Rassuzhdeniya o Vselennoj v filosofskom nasledii E`. K. Ciolkovskogo // Vestnik Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3. S. 46–49.
15. Mendeleev D. I. Dva publiczny`x chteniya o spiritizme // K poznaniyu Rossii. M.: Ajris-Press, 2002. S. 498–555.
16. Mixalevskaya A. S. Mif i nauka: problemy` vzaimodejstviya v sovremennom obshhestve: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Ivanovo: Ivanovskij gos. him.-texnolog. un-t, 2015. 26 s.
17. Morozov Yu. V. Fal`sifikaciya itogov Vtoroj mirovoj vojny` v ramkax informacionnoj bor`by` protiv Rossii // Nacional`ny`e interesy`: priority` i bezopasnost`. 2015. № 25 (310). S. 50–63.
18. Ogurchikov P. K. Mifologizacija kul`tury`: strategii i taktiki prostranstvenny`x reshenij // Analitika kul`turologi. 2013. № 25. S. 2–6.
19. Rezvy`x P. V. Diskussii o mifologii v romanticheskoy Altertumswissenschaft. M.: Vy`sshaya shkola e`konomiki, 2012. 44 s.
20. Romanova K. S. Antropologiya mifa // Diskurs Pi. 2006. № 1. S. 56–62.
21. Sergeev G. B. Nanoximiya. M.: Izd-vo MGU, 2003. 288 s.
22. Sorokin P. A. Social`naya i kul`turnaya dinamika. M.: Astrel`, 2006. 1176 s.
23. Frjezer Dzh. Zolotaya vetv`. M.: Mysl`, 1980. 831 s.
24. Frjezer Dzh. Fol`klor v Novom Zavete. M.: Akademicheskij proekt, 2018. 453 s.
25. Xyubner K. Istina mifa. M.: Respublika, 1996. 448 s.
26. Chervonnaya L. G. Metamorfozy` social`ny`x idej. Ekaterinburg: UrO RAN, 2001. 448 s.
27. Chesnov Ya. V. Filosofskaya antropologiya narodnoj kul`tury`. M.: Kanon, 2014. 496 s.
28. Chirkov Yu. G. Vremya ximer. Bol`shie genny`e igry`. M.: Akademkniga, 2002. 397 s.
29. Shkurova M. V. Problema mifa v «Filosofii simvolicheskix form» E`. Kassirera // Gumanitarny`e issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal`nem Vostoke. 2016. № 1 (35). S. 124–128.
30. Yakovleva I. V. Aksiologiya obrazovaniya kak formiruyushhayasya sistema: social`no-filosofskaya refleksiya // Filosofiya obrazovaniya. 2020. № 2. S. 31–47.

**D. K. Stozhko,
K. P. Stozhko**

**Theoretical and Methodological Aspects of the Mythologization of Science
in Modern Conditions**

The article reveals theoretical and methodological approaches to explaining the mythologization of modern science, which is presented as a process of its falsification and destruction by various unscientific practices. Among the reasons for the modern mythologization of science, the authors analyze the growing macroeconomic and political instability, the crisis of modern globalism and multiculturalism. The idea of the need for a critical, interdisciplinary and problematic approach to the practice of transferring knowledge is argued.

Keywords: crisis; culture; mythology; mythologization; science; pedagogy.